
«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

Чао Бинцин*

В статье анализируются основные направления внешней политики Китая с позиции использования в ней «мягкой силы», в развитие которой инвестированы уже сотни миллионов долларов. И хотя этот процесс в последнее время встречает сильное сопротивление со стороны некоторых западных стран, это принципиально не влияет на активное использование Китаем своей «мягкой силы». В недавно опубликованном докладе Национального фонда в поддержку демократии (США) утверждается, что необходимо переосмыслить понятие «мягкой силы», потому что концептуальный термин, который использовался после окончания холодной войны, больше не кажется адекватным для объяснения статус-кво. Политика Китая в этом отношении несколько иная. В современном глобальном мире она является важным фактором обеспечения международного порядка и стратегической стабильности. Все более серьезным инструментом такой политики крупнейшей мировой державы становится именно «мягкая сила», которая направлена на расширение китайского присутствия в мире и призвана подчеркнуть его сильные стороны, а также особый вклад в экономическое и социокультурное развитие как отдельных стран, так и мирового сообщества в целом.

Ключевые слова: Китай, «мягкая сила», «острая сила», политический инструмент, внешняя политика, международное сотрудничество, международная коммуникация.

“SOFT POWER” AS AN EFFECTIVE TOOL OF CHINESE FOREIGN POLICY

The article analyzes the main directions of China's foreign policy from the perspective of using “soft power”, in the development of which hundreds of millions dollars have already been invested. And although this process has recently met with strong resistance from some Western countries, this does not fundamentally affect China's active use of “soft power”. A recently published report by the National Endowment for Democracy (USA) argues that it is necessary to rethink the concept of “soft power”, because the conceptual term that was used after the end of the Cold War no longer seems adequate to explain the status quo. China's policy in this regard is somewhat different. In today's global world, it is an important factor in ensuring international order and strategic stability. “Soft power” is becoming an increasingly serious instrument of such a policy of the largest

---

* Чао Бинцин – аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: bingqing9528@yandex.ru.

Chao Bingqing – Postgraduate student of the Faculty of Global Studies of Lomonosov Moscow State University. E-mail: bingqing9528@yandex.ru.

world power, which is aimed at expanding the Chinese presence in the world and is designed to emphasize its strengths, as well as a special contribution to the economic and socio-cultural development of both individual countries and the world community as a whole.

Keywords: *China, “soft power”, “sharp power”, political instrument, foreign policy, international cooperation, international communication.*

Современный мир полон противоречий, которые решаются разными путями и способами. Среди них особое место занимают различные варианты несилового и силового воздействия на противоположную сторону, которые именуются соответственно «мягкой» и «жесткой» силой. В последнее время в специальной литературе все более активно используется еще один термин – «острая сила», занимающий промежуточное положение между двумя упомянутыми выше. Впервые он появился в конце 2017 г. в докладе Национального фонда в поддержку демократии (США) [December... 2018] и означает такую внешнеполитическую деятельность, которая направлена на использование средств манипулирования общественным сознанием и подрыв политических систем в других странах. Если «мягкая сила» – это использование привлекательности культуры и ценностей для укрепления могущества страны, то «острая сила» – это помощь авторитарным режимам в унификации поведения внутри страны и манипулировании общественным мнением за рубежом. «Мягкая сила» – это способность влиять на других с помощью убеждения и привлекательности своей культуры и образа жизни. Такая сила не устраняет «жесткую силу», основанную на прямом насилии и грубом принуждении, однако позволяет избежать прямых столкновений и способствует смягчению острых противоречий в современном мире. Это серьезный аргумент, чтобы в условиях нарастающей глобальной взаимозависимости рассматривать «мягкую силу» как важный инструмент внешней политики любого государства.

Применение той или иной силы зависит, как правило, от того, какой у страны военный потенциал или состояние экономики, но имеет значение и то, какой дискурс у данной страны более убедителен. Иными словами, важны не только военные и экономические возможности, но и культурный потенциал, социально-политический уклад и образ жизни данной страны. При этом методы публичной дипломатии, которые обычно рассматриваются как политическая пропаганда, не следует считать «мягкой силой». В информационную эпоху самыми дефицитными ресурсами являются внимание и доверие. Именно поэтому программы обмена, направленные на развитие двустороннего общения и налаживание связей между студентами и молодыми лидерами, часто оказываются гораздо более эффективными, чем такие генераторы «мягкой силы», как официальная пропаганда [Ахмадеева 2018].

Наглядным примером активного использования «мягкой силы» являются Соединенные Штаты Америки, которые широко открывают двери своих университетов для иностранных студентов, проводят программы обмена, приглашая молодых иностранных лидеров в свою страну и т. п. Китай сейчас также успешно следует такой модели поведения, поскольку это разумное использование «мягкой

силы». Но даже такие программы обмена могут превратиться в инструменты «острой силы», если использовать, например, отмену виз или ограничение въезда в страну, чтобы подавлять критику и поощрять самоцензуру [Бауэр, Федулов 2019], что характерно для американской внешней политики.

Контрастом такой политики является «мягкая сила» Китая, который стремится завоевывать умы и сердца людей, сосредотачиваясь больше на практических вопросах и пытаясь показать свою культурную и коммерческую привлекательность. Такой подход нашел отклик, в частности, в предлагаемой Китаем концепции построения сообщества человеческой судьбы [Xing Lijun 2019: 11–21]. Широкие возможности применения «мягкой силы» и идея о том, что такая сила дает преимущество на пути к достижению своих целей, привлекают мыслителей и лидеров из многих других стран и регионов. Одним из наиболее значимых субъектов международных отношений, где концепция «мягкой силы» была воспринята с наибольшим энтузиазмом, является Китай. Китайские ученые много писали на эту тему. Китайское правительство также вкладывает значительные средства в общественную дипломатию, включая глобальное расширение государственных СМИ и создание культурных и языковых центров, таких, например, как Институты Конфуция и Классы Конфуция за рубежом. В то же время китайское правительство стремится интернационализировать систему высшего образования Китая, привлекая иностранных студентов и ученых [Вопрос... 2016].

«Мягкая сила» рассматривается в Китае как перспективная идея и важный дополнительный фактор подъема Китая и особенно его экономической экспансии. Китайское понимание «мягкой силы» связано с понятиями культурной уверенности и культурной безопасности, продвигаемыми китайскими лидерами, которые демонстрируют социальную сплоченность, порожденную китайской культурой, ценностями и исторической гордостью.

Поскольку соперничество между США и Китаем усиливается, естественно рассматривать «мягкую силу» как еще один инструмент конкуренции, так как и Вашингтон, и Пекин соревнуются в том, чтобы сделать свои политические и экономические модели более привлекательными для остального мира. Однако мнение о том, что две страны находятся в прямой конфронтации, не вполне отражает реальное положение вещей. Обе стороны по-разному трактуют понятие «мягкой силы» и реализуют его совершенно по-разному. Так, Китай больше внимания уделяет практическим вопросам, пытаясь оптимально сочетать свою культурную и коммерческую привлекательность для достижения поставленных целей [Россия... 2017].

Понимание и практика применения «мягкой силы» в Китае сосредоточены прежде всего на конкретных результатах, а не на ценностях. Аналитики, развивающие идеи Дж. Ная, считают, что различие между «жесткой» и «мягкой силой» искусственно и что привлекательность Америки зависит в основном от военной и экономической мощи. А некоторые китайские ученые отмечают, что даже Coca-Cola, один из самых известных символов американской «мягкой силы», представляет собой нечто большее, чем культурный феномен. Стратегия «мягкой силы» Китая в целом отражает эту точку зрения. Она пропагандирует китайскую культуру и ценности, превозносит китайскую модель экономического развития,

управленческие возможности, технологические достижения и растущий военный потенциал страны [Леонова 2018: 101–114]. Все, что может улучшить имидж Китая, считается «мягкой силой» или даже «жесткой силой».

Вашингтон иногда полагается на «мягкую силу», чтобы отвлечь внимание от своей «жесткой силы», а Пекин нередко использует «жесткую силу» для укрепления «мягкой». Таким образом, Китай, на наш взгляд, более прагматичен и менее идеологизирован, когда речь идет о «мягкой силе». Он пытается увеличить воздействие «мягкой силы» через образование. В этой связи проводятся поддерживаемые правительством тренинги для чиновников в странах Южного полушария, чтобы продемонстрировать политику Коммунистической партии по содействию быстрому экономическому развитию, особенно в борьбе с бедностью.

Китай также напрямую связывает международные образовательные программы с экономическими возможностями государства. Продвигая Институты Конфуция, Пекин подчеркивает не только наличие стипендий для студентов, но и надежду на то, что выпускники найдут работу в китайских компаниях. В Эфиопии, например, в рекламе Института Конфуция приводятся другие практические преимущества изучения китайского языка, такие как возможность получить хорошо оплачиваемую работу в китайской компании. Так, итоги интервью А. О. Наумова с эфиопскими студентами и университетскими чиновниками показали, что многие выпускники Института Конфуция в итоге работают переводчиками в китайских компаниях за зарплату, вдвое превышающую среднюю зарплату преподавателей эфиопских университетов [Наумов, Положевич 2015: 6–37].

С точки зрения Запада, Китай компенсирует недостаток идеологической силы материальными стимулами. Подобные комментарии игнорируют тот факт, что, хотя такие экономические стимулы сами по себе не являются применением «мягкой силы», они укрепляют имидж КНР как бастиона щедрости, возможностей, компетентности и прагматизма и таким образом наращивают «мягкую силу» Китая. Экономическое участие также имеет эмоциональное измерение, побуждая людей устанавливать эмоциональные связи с Китаем, особенно в тех местах, где иные возможности ограничены. На глобальном Юге, включая Африку и Латинскую Америку, прагматичный подход Китая к «мягкой силе» оказался весьма успешным. Недавние опросы общественного мнения в Африке выявили в основном положительное отношение к экономическому и политическому влиянию Китая на континенте. Почти две трети африканцев считают влияние Китая «в некоторой степени положительным» или «очень положительным» [Liu Chenghui 2021].

Реализация «мягкой силы» в странах Юга показала, что в целом им нравятся инструменты китайской «мягкой силы», в частности такие, как образовательные возможности. Почти каждый чиновник, которого вы встретите в Эфиопии, либо был в Китае, либо собирается туда поехать, либо знает кого-то, кто уже это сделал. Такие люди амбициозны и стремятся получить непосредственный опыт работы в крупном мировом центре власти. Для жителей таких стран, как Эфиопия, «мягкая сила» Китая часто проявляется в инфраструктурных проектах, таких как строительство мостов, автомобильных и железных дорог. Эти проекты повышают статус Китая как надежного делового и торгового партнера. Куда бы вы ни посмотрели в Ад-

дис-Абебе, строительные площадки, финансируемые Китаем, пестрят плакатами, рекламирующими китайские компании [Чэнь Демин 2019; Диалог... 2019].

Признавая относительную привлекательность и преимущества Китая на глобальном Юге, конкуренцию между США и Китаем там или в других регионах не следует рассматривать как игру с нулевой суммой. Многие считают привлекательными и Китай, и США, и рассматривают их модели как взаимодополняющие, а не взаимоисключающие [Goh Chok Tong 2020: 16–19]. Опросы показывают принципиальное нежелание выбирать какую-то одну сторону между Китаем и США даже в таких регионах, как Юго-Восточная Азия, где существуют противоположные мнения о китайском влиянии и его «мягкой силе». В этой связи важно подчеркнуть, что каждая страна имеет свою определенную самобытную культурную модель социального и экономического развития, наконец, уникальный образ жизни. Различные цивилизации должны понимать это и терпимо относиться друг к другу, укрепляя таким образом консенсус между различными общностями, находя точки соприкосновения и сохраняя свои различия. Конечно, эта идея может быть использована не только как критерий китайско-американских отношений, но и как основа для сотрудничества между другими странами [Чумаков 2014]. В то же время, хотя Вашингтон и Пекин считают, что две страны вовлечены в конкуренцию в области применения «мягкой силы», реальность больше похожа на их относительно мирное сосуществование в этом аспекте. Успех каждой стороны в повышении своей привлекательности зависит не столько от того, чтобы перехитрить другую сторону, сколько от преодоления собственных внутренних трений.

Генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин во время 30-го заседания Центрального политического бюро 19-го созыва подчеркнул: «Мы должны глубоко осознать важность и необходимость укрепления и улучшения международной коммуникации в новой ситуации, приложить большие усилия для укрепления потенциала международной коммуникации и сформировать международный дискурс, соответствующий нашей всеобъемлющей национальной мощи и международному статусу» [Du Zhanyuan 2021]. С этой точки зрения изучение китайской истории, распространение китайского языка и представление истинного, трехмерного и всеобъемлющего Китая являются важными задачами в укреплении международного коммуникационного потенциала КНР. Перед лицом новой ситуации и новых задач китайское руководство считает, что нужно уловить общую тенденцию времени, придерживаться праведности и инноваций, ускорить интеграцию и развитие, всесторонне повысить эффективность международного общения [Генеральный... 2022], создать благоприятные условия внешнего общественного мнения для реформ и развития Китая. Си Цзиньпин также отметил, что «быть отсталым – значит быть битым, быть бедным – значит быть голодным, а потерять голос – значит быть обруганным» [Excerpts... 2018].

Международный дискурс является важной частью культурной «мягкой силы». Укрепление такой силы предполагает усиление инициативы в области международного общения, чтобы голос страны был услышан. Под руководством Коммунистической партии Китая успешно развивается на пути к социализму с китайской спецификой. И именно здесь его сила, которая проявляется в том, что-

бы хорошо знать и помнить китайскую историю, усиливать и развивать инициативу в зарубежной пропагандистской работе [Си Цзиньпин...]. Отсюда следует, что необходимо стремиться к созданию нового типа международных средств массовой информации, отличающихся сильным руководством, коммуникационной мощью и влиянием. Ставится также задача более четко показывать и активно продвигать китайские идеи, чтобы люди во всем мире могли понять сущность китайских реформ и увидеть реальные результаты развития страны.

Литература

Ахмадеева Я. М. Реализация политики «мягкой силы» КНР в отношении Азиатско-Тихоокеанского региона // *Terra Linguistica*. 2018. № 9(3). С. 16–27.

Бауэр В. П., Федулов Ю. Г. Основы теории организационного управления. М. : Директ-Медиа, 2019.

Вопрос национальной идентичности в контексте глобализации: сб. научных статей Международной научно-теоретической конференции. М. : Проспект, 2016.

Генеральный секретарь Си Цзиньпин руководит документальным фильмом «Новая эра онлайн-международных коммуникаций Китая» // *Китайское интернет-письмо*. 2022. 1 сентября [Электронный ресурс] (на кит. яз.). URL: https://politics.gmw.cn/2022-09/01/content_35994012.htm/ (дата обращения: 18.10.2022).

Диалог культур и вызовы современной эпохи // *Материалы Бакинского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева*. М. : Канон+, 2019.

Леонова О. Г. Джозеф Най и «мягкая сила»: попытка нового прочтения // *Социально-гуманитарные знания*. 2018. № 1. С. 101–114.

Наумов А. О., Положевич Р. С. «Мягкая сила» и международный имидж стран группы ИБСА // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2015. № 52. С. 6–37.

Россия и Китай: Межкультурное взаимодействие в постсоветский период: коллективная монография. М. : КноРус, 2017.

Си Цзиньпин о государственном управлении. Пекин : Foreign Languages Press, 2014 (на кит. яз.).

Чумаков А. Н. «Мягкая сила» как способ решения проблем в глобальном мире // *Век глобализации*. 2014. № 2. С. 192–195.

Чэнь Демин. Всестороннее развитие стратегического партнерства нового типа между Африкой и Китаем // *Жэньминь Жибао*. 2019. 11 февраля (на кит. яз.).

December 2017 Report by the National Endowment for Democracy's International Forum for Democratic Studies [Электронный ресурс] : *Journal of Democracy*. 2018. Vol. 29. No. 1. Pp. 180–184. URL: <https://muse.jhu.edu/article/683648>.

Du Zhanyuan. Xiang shijie zhanshi zhenshi liti quanmian de zhongguo (Показать миру реальный и всеобъемлющий Китай) (на кит. яз.). URL: <https://www.12371.cn/2021/09/14/ART11631573956059978.shtml/> (дата обращения: 14.07.2022).

Excerpts from Xi Jinping's Commentary on the Overall National Security Concept // *Party History and Literature Research Institute of the Central Committee of the Communist Party of China*. 2018.

Goh Chok Tong. Beyond Differences and Towards Cooperation // China – US Focus Digest. 2020. No. 19. Pp. 16–19.

Liu Chenghui. Bulinken renzai feizhou xiang duo “zhong guo” ye duobudiao (Бринкены в Африке, и от «Китая» им не спрятаться, если захотят) // Observation Magazine. 2021. No. 11 (на кит. яз.).

Xing Lijun. Humanistic Exchanges and the Construction of a Community of Human Destiny // International Studies. 2019. No. 4(196). Pp. 11–21.

References

Ahmadeeva Ya. M. Realizatsiya politiki “myagkoj sily” KNR v otnoshenii Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona [Implementation of the PRC’s “Soft Power” Policy Towards the Asia-Pacific Region] // Terra Linguistica. 2018. No. 9(3). Pp. 16–27.

Bauer V. P., Fedulov Yu. G. Osnovy teorii organizatsionnogo upravleniya [Fundamentals of the Theory of Organizational Management]. Moscow : Direkt-Media, 2019.

Vopros natsional’noy identichnosti v kontekste globalizatsii [The Issue of National Identity in the Context of Globalization]: collection of scientific papers of the International Scientific and Theoretical Conference. Moscow : Prospekt, 2016.

Secretary General Xi Jinping Directs the Documentary “China’s New Era of Online International Communications” // Kitayskoe internet-pis’mo. 2022. September 1 (in Chinese). URL: https://politics.gmw.cn/2022-09/01/content_35994012.htm/ (accessed: 14.03.2022).

Dialog kul’tur i vyzovy sovremennoy epokhi [Dialogue of Cultures and Challenges of the Modern Era] // Materialy Bakinskogo foruma, posvyashchennogo pamyati Geydara Aliyeva. Moscow : Kanon+ , 2019.

Leonova O. G. Joseph Nye i “myagkaya sila”: popytka novogo prochteniya [Joseph Nye and “Soft Power”: An Attempt to New Reading] // Sotsial’no-gumanitarnye znaniya. 2018. No. 1. Pp. 101–114.

Naumov A. O., Polozhevich R. S. “Myagkaya sila” i mezhdunarodnyy imidzh stran gruppy IBSA [“Soft Power” and the International Image of the IBSA Group Countries] // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik. 2015. No. 52. Pp. 6–37.

Rossiya i Kitay: Mezhkul’turnoye vzaimodeystviye v postsovetskiy period [Russia and China: Intercultural Interaction in the Post-Soviet Period]: collective monograph. Moscow : KnoRus, 2017.

Xi Jinping on Public Administration. Beijing : Foreign Languages Press, 2014 (in Chinese).

Chumakov A. N. “Myagkaya sila” kak sposob resheniya problem v global’nom mire [“Soft Power” as a Way to Solve Problems in the Global World] // Vek globalizatsii. 2014. No. 2. Pp. 192–195.

Chen Demin. Comprehensive Development of a New Type of Strategic Partnership between Africa and China // Zhjenmin Zhibao. 2019. February 11 (in Chinese).

December 2017 Report by the National Endowment for Democracy’s International Forum for Democratic Studies // Journal of Democracy. 2018. Vol. 29. No. 1. Pp. 180–184. URL: <https://muse.jhu.edu/article/683648>.

Du Zhanyuan. Xiang shijie zhanshi zhenshi liti quanmian de zhongguo [To Show a Real and Comprehensive China to the World]. 2021 (in Chinese). URL: <https://www.12371.cn/2021/09/14/ART11631573956059978.shtml/> (accessed: 14.07.2022).

Excerpts from Xi Jinping's Commentary on the Overall National Security Concept // Party History and Literature Research Institute of the Central Committee of the Communist Party of China, 2018.

Goh Chok Tong. Beyond Differences and Towards Cooperation // China – US Focus Digest. 2020. No. 19. Pp. 16–19.

Liu Chenghui. Bulinken renzai feizhou xiang duo “zhong guo” ye duobudiao (Brinkeny v Afrike, i ot “Kitaja” im ne spryatat'sya, esli zahotyat) [The Brinkens are in Africa, and They Can't Hide from “China” if They Want to] // Observation Magazine. 2021. No. 11 (in Chinese).

Xing Lijun. Humanistic Exchanges and the Construction of a Community of Human Destiny // International Studies. 2019. No. 4(196). Pp. 11–21.